

И. А. ПИЛЬЩИКОВ

О РОЛИ ВЕРСИЙ-ПОСРЕДНИКОВ
ПРИ СОЗДАНИИ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА
(Дмитриев — Лагарп — Скалигер — Тибулл)

К 200-летию русской тибуллианы

В 1795 г. был опубликован, по всей видимости, первый русский перевод из Тибулла (Tib. 1.1), принадлежащий И. Дмитриеву. Свое «Подражание Первой Тибулловой элегии» автор поместил в журнале «Приятное и полезное препровождение времени», где регулярно печатался в 1794—1795 гг. (см. Беспрозванный 1990)¹. При подготовке второго издания Сочинений (1803—1805) Дмитриев откорректировал перевод, получивший новое заглавие «Тибуллова Элегия»; 4 стиха были исключены, 3 заменены, 22 подверглись стилистической правке (см. «Приложение»)². Редакция 1803 г. воспроизведена с незначительными пунктуационными и орфографическими разночтениями в Сочинениях 1810, 1814 и 1818 гг. Окончательные исправления (коснувшиеся всего лишь четырех стихов) были внесены в итоговое собрание 1823 г.; дефинитивный вариант озаглавлен «Элегия: Подражание Тибуллу». Таким образом, каждое переименование знаменовало собой серию замен в тексте (см. Дмитриев 1795; 1803, ч. II, 51—54; 1810; 1814; 1818; 1823)³.

Отмечалось, что дмитриевский перевод Tib. 1.1 положил начало «традиции „русского“ Тибулла (<the> tradition of a „Russian“ Tibullus)» (Serman 1974, 55). В то же время стихотворение Дмитриева принадлежало к более широкой традиции новоевропейской тибуллианы, хотя с этой точки зрения никогда не рассматривалось. До сих пор переводную элегию сравнивали только с текстом Tib. 1.1, который был окончательно установлен в XIX—XX вв.⁴ При таком подходе дмитриевская элегия оказывалась всего-навсего вольным подражанием латинскому подлиннику — свободной вариацией, в которой «ничто, кроме заключительного двустушия, не имеет никакого отношения к Тибуллу (nothing but the last two lines have anything to do with Tibullus)» (Serman 1974, 56).

На первый взгляд этот вывод весьма убедителен: последовательность изложения у Дмитриева иная, чем у Тибулла (возникает впечат-

ление, что переводчик свободно переставляет строки оригинала и даже переносит их из одной части элегии в другую); целый фрагмент (с 57-го стиха по 64-й) взят не из первой, а из второй элегии I книги; кроме того, перевод на 20 строк длиннее подлинника, и т. д. Всё это так, но дело в том, что инициатором подавляющего большинства транспозиций был не переводчик; первая элегия приняла непривычный для сегодняшнего читателя облик задолго до Дмитриева — в «новом издании» («*poeta editio*») стихотворений Катутла, Тибулла и Проперция, подготовленном выдающимся филологом XVI в. Иосифом Скалигером (Scaliger 1577a, 79—82; Пильщиков 1994б, 232 примеч. 29).

Скалигер «счел стихотворения <Тибулла. — *И. П.*> структурно дезорганизованными, объяснил этот недостаток дефектами рукописной традиции и <...> попытался исправить перестановки, которые, по его предположению, возникли вследствие искаженной передачи» текста (Ball 1983, 12; ср. Kenney 1974, 55—56; Grafton 1983, 176—179; ср. также Nisard 1852, 177—181; Bernays 1855, 7—8, 45—47). Редакторское вмешательство Скалигера было, по сути, опытом филологической критики письменных источников: «*Huius poetæ <Tibulli. — И. П.> ea omnia quotquot in Italia extant, exemplaria, recentiora sunt, quam vt inter vetustos libros censi debeant*» = «Все списки этого поэта, какие только ни сохранились в Италии, слишком поздние, для того чтобы цениться наравне со старинными книгами» (Scaliger 1577b, 111). Ученый предположил порчу текста («*correctorum audacia multa preabsurda*»), которая выразилась в перестановке элегий и отдельных дистихов («*in transpositione Elegiarum, & confusione <...>*») и якобы охватила большую часть Тибуллианского Корпуса («*<...> qua non exigua pars huius poetæ versuum laborat*»). Самым наглядным свидетельством контаминаций Скалигеру показалась композиция первой элегии: «*nihil est quod huius tibi maiorem fidem faciat, quam prima elegia: quæ ita hactenus confusa, & perturbata fuit, vt ne ipse Tibullus, si reuisceret, suam agnoscat*» = «ничто в этом не убеждает больше, чем первая элегия: она до такой степени запутана и искажена, что и сам Тибулл, если бы воскрес, не признал бы <ее> своей» (Scaliger 1577b, 111).

Эдиционные принципы Скалигера были серьезным методологическим открытием; практические результаты оказались более сомнительными. Скалигер никак не ограничивал сферу герменевтической критики и вместо того, чтобы свести интервенции к необходимому минимуму, фактически создал новый текст, соответствовавший художественным и риторическим нормам эпохи Возрождения. В издании 1577 г.

первая Тибуллова элегия предстала в следующем виде: Tib. 1.1.1—6, 9—10, 7—8, 29—32, 35—36, 11—24, 37—40, 33—34, 41—50, 25—28, 51—58; 1.2.73—80, 67—72; 1.1.59—78 (Ball 1983, 19).

10 начальных стихов скалигеровской версии коррелируют с первыми 10 стихами Tib. 1.1, но дистихи 7—8 и 9—10 поменяны местами. Логика конъектуры типична для Скалигера: дистихи 5—6 и 9—10 тесно связаны по смыслу («bene h̄jc duo disticha inter se coagm̄tata s̄int»), тогда как при исходной последовательности строк смысловая связность (*sententia*) была бы нарушена (Scaliger 1577b, 112). В стихах 1.1.29—32 Тибулл возвращается к теме 1.1.7—8: он, всадник римский, не погнушался бы сельским трудом, противоречащим его социальному положению. Не допуская возможность лейтмотивной композиции, редактор соединил второй фрагмент с первым, «как того и требует мысль» [*quum hoc postulet sententia*] (Scaliger 1577b, 112)]. Стихи 17—30, посвященные сельским божествам, соответствуют Tib. 1.1.11—24; они обрамлены соседними частями другого фрагмента, транспонированного из середины элегии: Скалигер (ср. 1577b, 112) поместил Палесу (Tib. 1.1.36) в исходный «каталог» богов и завершил его ритуальным обращением *Adsitis, Diui* <...> [= *Пребудьте со мною, Боги* <...>, 31 слл. = 1.1.37 слл. (Putnam 1973, 55)], сменившим обращение к Ларам (25—30 = 1.1.19—24): «*Nam Diui illi sunt ipsi Lares, ad quos sermo semper continuandus est*» = «Ведь Боги эти суть те же Лары, к которым по-прежнему должна быть адресована речь» (Scaliger 1577b, 113).

После серии перестановок старая и новая элегии сравнялись: стихи 51—58 «первой элегии Скалигера» соответствуют стихам 51—58 первой элегии Тибулла [*illa enim loco mouenda non sunt*] = «их же с места передвигать не следует» (Scaliger 1577b, 114)]. Но далее редактор отважился на самую существенную конъектуру: он ввел в первую элегию отрывок из второй, разбив его на две части и переставив так, что на месте стихов 67—72 первой элегии оказались (случайно?) стихи 67—72 второй элегии I книги. «*Post hoc distichon <57—58 = 1.1.57—58. — И. П.> retrahē huc quatuor disticha fugitiua, quæ in secunda Elegia inuenies*»; «*Post hoc distichon <65—66 = 1.2.79—80. — И. П.> repone FERREVS ILLE <67 слл. = 1.2.67 слл. — И. П.>, ex eadem secunda elegia. vt non solum commissum sit in loco horum versuum, quum in alienam elegiam traducti sint, sed in suo sibi ordine, quum inter se confusi sint*» = «Вслед за этим дистихом (57—58 = 1.1.57—58) надо поставить четыре „беглых“ дистиха, которые находятся во

второй Элегии»; «После этого дистиха (65—66 = 1.2.79—80) надо восстановить <С СЕРДЦЕМ> ЖЕЛЕЗНЫМ ТОТ (67 сл. = 1.2.67 сл.) из той же второй элегии, ибо ошибка была не только в месте этих стихов, поскольку <они> были перемещены в другую элегию, но и в их собственном порядке, поскольку <они> были переставлены между собою» (Scaliger 1577b, 114—115). Интерполяцией рустика-эротического фрагмента из Tib. 1.2 Скалигер восстановил утраченную (как ему казалось) связь между рустическим зачином и эротическим финалом в Tib. 1.1. Знаменитый пассаж *Te spectem...* = <Только> *бы видеть тебя...* (73 сл. = 1.1.59 сл.) получил строгую тематическую мотивировку — и редактор восторжествовал победу над автором: «Recte ergo superiora huc traduximus, quum illa cum his belle conueniant» = «Правильно, стало быть, мы перенесли сюда вышеприведенные <стихи> (из Tib. 1.2), поскольку с этими (1.1.59 сл.) они прекрасно сочетаются» (Scaliger 1577b, 115). В других изменениях потребности не возникало; заключительная часть осталась в неприкосновенности, но объем элегии увеличился с 78 стихов до 92. Укажем для сравнения, что у Дмитриева в первой редакции перевода 98 стихов, а во второй — 94: в итоге подлинник «распространен» только на один дистих.

Скалигеровская реконструкция Тибуллианского корпуса сохраняла филологическую авторитетность в течение двух следующих столетий и была отвергнута Дж. Вольпи лишь в середине XVIII в. (Ball 1983, 12); в русской поэтической среде Тибулл в редакции Скалигера был популярен дольше — вплоть до первых десятилетий XIX в. Неоспоримым свидетельством этого является мнимая «ошибка» Батюшкова, который в соответствии с изданием Скалигера называл свой перевод X, заключительной, элегии I книги переводом элегии XI (Пильщиков 1994б, 217, 232 примеч. 29).

Однако не все расхождения между переложением Дмитриева и подлинником Тибулла удается объяснить тем, что переводчик держал перед собою иной латинский текст. Поэты конца XVIII — начала XIX в. нередко воспроизводили не собственно оригинал, а некоторый макротекст, включающий в себя оригинал и наиболее значимые переводы. Целым рядом деталей (среди них лексико-синтаксические конструкции, эпитеты и т. д.) дмитриевская версия обязана французскому тексту-посреднику. Говорить о воздействии таких посредников можно в том случае, когда у двух переводчиков обнаружено значительное число одинаковых расхождений с подлинником, причем эти де-

виации не совпадают с отступлениями от подлинника в других переводах. Нам уже приходилось указывать, что в качестве медиатора *suī generis* Дмитриев использовал «Подражание первой Тибулловой элегии» («Imitation de la première élégie de Tibulle»), написанное Ж.-Ф. Лагарпом (Пильщиков 1994а, 30, 42 примеч. 47; 1994б, 232 примеч. 29). Перевод Лагарпа, также основанный на скалигеровской редакции⁵, был впервые опубликован в 1773 г., а затем включен в оба собрания сочинений, ивердонское и парижское (La Harpe 1773а; 1773б; 1777, 263—273; 1778, 240—244); им же завершается посвященный Тибуллу раздел второго тома «Лицея» (ч. I, кн. I, гл. X, [раздел] «Tibulle»; см. Laharpe 1799, 212—216; ср. Todd 1979, 180)⁶.

Сопоставительный анализ трех «первых Тибулловых элегий», результаты которого представлены в «Приложении», показывает, что Дмитриев, проявляя исключительное внимание к деталям латинского источника, одновременно учитывал те изменения и дополнения, которые в текст элегии внес Лагарп. Двойная ориентация, определившая переводческую стратегию Дмитриева, проявляется уже в первом двустишии (Пильщиков 1994а, 30):

Пускай кто многими землями обладает,
Въ день копить золото, а въ ночь не досыпает <...>

Ср. подлинник и французский перевод:

*Diuitias alius fuluo sibi congerat auro,
Et teneat culti iugera multa soli*

[= *Богатство другой себе да собирает (= копит) желтым золотом // И обладает многими югерами возделанной земли*];

*Qu'un autre, poursuivant la gloire & la fortune,
Troublé d'une crainte importune,
Empoisonne sa vie & perde son sommeil*

(= *Пускай другой, гоняясь за славой и фортуной, // Тревожимый докучливым страхом, // Отравляет себе жизнь и теряет сон*)⁷. Французская аналитическая конструкция с *que* соответствует синтетической конструкции оригинала (конъюнктиву). Дмитриев выбирает «французскую» композицию строки: элегия начинается не с эквивалента *diuitias* 'богатство', а с оборота *пускай кто* — то есть с лагарповского *qu'un autre*, представляющего собой клише французской тибуллианы (Пильщиков 1994а, 31, 41 примеч. 23). В целом же 1-й стих и первое полустишие 2-го воспроизводят нюансы латинского текста, опущенные в подражании Лагарпа. Второе полустишие 2-го стиха

восходит к французскому посреднику (*perde son sommeil* → не досыпаетъ); при этом «латинское» и «французское» полустишия связаны антитезой, отсутствующей в обоих источниках: **Въ день копитъ золото** <← Tib.>, а **въ ночь не досыпаетъ** <← La Harpe>. 3-я строка дмитриевского стихотворения (*Страшася и во снѣ военныя трубы*) соотносится с 4-м стихом оригинала; русский переводчик не принял амплификаций французской версии (4—6)⁸. Редупликация терминов со значением 'сна' (*не досыпаетъ*, 2; *во снѣ*, 3) — это еще одно свидетельство полигенеза анализируемого текста. Наконец, заключительная строка-сентенция второго двустишия принадлежит самому Дмитриеву. Установленный нами принцип перевода (совмещение + дополнение) выдерживается на протяжении всей элегии.

Момент «совмещения» возникает, например, когда в своей интерпретации Тибулла Дмитриев следует за Лагарпом. Так, предикативные прилагательные в 3-м дистихе (*незнатенъ; доволенъ; спокоенъ; воленъ*) переводят или перефразируют атрибуты и адвербиалы французского текста, сохраняя даже их последовательность [*qui des grandeurs n'ai point l'âme frappée*, 7; *sans rien envier*, 8; *tranqui(l)lement*, 9; *désoccupée*, 10], а те, в свою очередь, эксплицируют тематические аспекты ключевого для Тибулла эпитета *iners* (*vitæ* <...> *inerti*, 5). Первая часть рустического фрагмента у Дмитриева (7—12) наиболее автономна по отношению к оригиналу и к переводу-посреднику. Отметим здесь выражение *въ скромномъ огородѣ* (9), заимствованное из Лагарпа (*l'étroit enclos*, 14) и отразившееся в позднейшей русской тибуллиане (ср. Пильщиков 1994а, 32—33, 42 примеч. 39). Интересна реминисцентная структура 12-го стиха (*То за прививками младыхъ деревъ хожу*): его первое полустишие, по-видимому, представляет собой заимствование из параллельного места в Ног. Еpod. 2.13—14 (Пильщиков 1994а, 33, 42 примеч. 40), а второе, «не противореча» оригиналу (9—10 = 1.1.7—8), на самом деле переводит перевод Лагарпа (*Je soignerai*⁹ <...> *mes arbres naissans*, 17). Следующая строка (*То гряды не стыдась самъ заступомъ копаю*, 13) соответствует 11-му стиху версии Скалигера, не нашедшему французского эквивалента (*Nec tamen interdum pudeat tenuisse bidentem*); переводчик усилил *pudeat* (→ не стыдась) местоимением *самъ*, перенесенным из предшествующего латинского дистиха (*ipse*, 9 = 1.1.7)¹⁰. В строках 14—16 Дмитриев оказывается если не точнее, то техничнее Лагарпа, которому понадобилось шесть стихов (18—23), чтобы передать содержание трех (12—14 = 1.1.30—32); но воздействие посредника всё же чув-

ствуется: латинское *tardos* 'медлительных' (12 = 1.1.30) переведено словом *ленивыхъ* (14) в соответствии с французской интерпретацией (*de mes bœufs indolens <...> la paresse = моих волов ленивых <...> леньность*, 18—19).

Самым наглядным примером того, «как сделана» элегия Дмитриева, может стать перевод (17—34) обращения к богам (15—34 = Tib. 1.1.35—36, 11—24, 37—40). Первая часть этого фрагмента полностью перестроена à la Laharpe (Пильщикова 1994а, 42 примеч. 47): в русской элегии (17—18), как и во французской (24—27), опущены приметы архаического богопочитания [*stipes desertus* = заброшенный ствол и *vetus lapis* = древний камень, 17—18 = 1.1.11—12 (Smith 1913, 188; Putnam 1973, 52)], отсутствует упоминание обряда люстрации (15 = Tib. 1.1.35), исключено описание Приапа (23—24 = 1.1.17—18). Стих, посвященный Палесе (Tib. 1.1.36) и перенесенный в эту часть элегии Скалигером (16), транспонирован в середину «списка», который пополняется именем еще одной богини, Помоны, возникшей из *rotum* 'плод' (19 = 1.1.13) в результате паронимической аттракции:

J'éranche le lait pur en l'honneur de Palès,
Je présente des fruits sur l'autel de Pomone

(= Я возливаю чистое молоко в честь Палесы, // Я приношу плоды на алтарь Помоны, 28—29)¹¹; ср.:

Палесѣ жертвую домашнимъ я млекомъ,
Помонѣ каждыймъ вновь родившимся плодомъ <...> (19—20)

Русский переводчик комбинирует лексико-фразеологические элементы латинского подлинника и французского подражания. Стих, созданный Лагарпом, орнаментирован деталями оригинальной элегии; ср.: *каждымъ вновь родившимся плодомъ* и *quodcumque <...> rotum pomus educat annis* = *всякий <...> плод, который новым рожден годом* (19 = 1.1.13). Выражение *pomus annis* (ср. *quotannis* 'ежегодно', 15 = 1.1.35) отозвалось также в 18-м стихе (*Всегда <...>*), куда перешла и французская конструкция *je présente <...> sur l'autel <...>* (→ <...> *приношу на олтари святыя*). Из 15 слов, которые содержатся в стихах 18—20, только два (эпитеты *святыя* и *домашнимъ*) не имеют эквивалентов в текстах-источниках. В следующих строках Дмитриев еще точнее воспроизводит композиционное строение и лексический состав оригинала — в том числе и те «частности», которые были элиминированы или трансформированы во французском подражании [ср.:

Церера златовласа (21) ← *Flaua Ceres* (21 = 1.1.15); *Лары* (23) ← *Lares* (26 = 1.1.20) при *Pénates* у Лагарпа (36) и т. д.]. Обращение завершается переводом *distichon e disticho*: строки 31—32 и 33—34 соотносятся со строками 31—32 = Tib. 1.1.37—38 и 33—34 = Tib. 1.1.39—40. Характерно, что почти все отклонения от подлинника воспроизводят вариации посреднической версии, из которой в элегию Дмитриева попали такие конструкции, как *при пѣсняхъ* <...> *просящей*, 29—30 [← *demander en chantant*, 44 (вместо *clamet* 'кричит, призывает', 30 = 1.1.24)]; *услышьте* <...> *гласъ*, 31 [← *prêtez à leurs chants une oreille*, 45 (вместо *adsitis* 'пребудьте со мной', 31 = 1.1.37)]; <...> *вамъ, боги, посвященный* <...>, 33 (← *aux Dieux* <...> *présenté*, 47); а также эпитеты *безпечной и веселой*, 29 (← *folâtre*, 42; *exprimant l'allégresse*, 43), *простѣйший*, 34 (← *simple*, 48) и мн. др. По примеру Лагарпа Дмитриев опустил дистих 35—36 = Tib. 1.1.33—34.

Читатель может самостоятельно продолжить изучение механизма дмитриевского перевода, черпая примеры из сопоставительной таблицы, прилагаемой к настоящей статье. Мы же остановимся лишь на отдельных фрагментах, обращая внимание не столько на соответствия, сколько на расхождения между русской элегией и ее источниками. К транспозициям Скалигера и Лагарпа Дмитриев добавляет свои. Двустихие 38—39, воспроизводящее «скалигеровский» дистих 49—50 (= Tib. 1.1.27—28)¹², поставлено перед фрагментом, который соответствует стихам 41 сл. (= Tib. 1.1.45 сл.)¹³. Тема *отдыха* развивается в русской версии «по нарастающей», заостряя противопоставление двух форм жизни (*Тибулл — Мессала*), композиционно обнаженное у Дмитриева (46 сл.): строки 51—56 (= Tib. 1.1.51—56) переданы так, как если бы в оригинале первый из этих трех дистихов шел последним. В стихах 46—50, посвященных Мессале (ср. 53—54 = Tib. 1.1.53—54), Дмитриев вслед за Лагарпом (67—69) заменяет второе лицо третьим (Пильщиков 1994а, 30)¹⁴, дополняя оригинал сценой триумфального шествия (48—50). Можно предположить (особенно если принять во внимание метафору *лучи славы*, 50), что это описание инициировано рифмой перевода-медиатора *brillantes : triomphantes* (68—69)¹⁵.

Многочисленны примеры полигенеза. Так, стих 52 (*Пусть скажутъ обо мнѣ, что робкимъ я рожденъ*) переведен с латинского [*quæso segnis, inersque vocer* (58 = 1.1.58)], двустихие 55—56 (*Прочь слава! не хочу жить въ будущихъ вѣкахъ, // Пребудь лишь ты въ моихъ, о Делія, очажъ!*) — с французского (*Pourvi que je te voie, ô*

maîtresse chérie! // Je renonce à la gloire, à la postérité, 72—73); «латинский» пассаж не имеет французских соответствий, а «французский» — латинских. Ср. также стихи 60—61, которые читались в издании 1795 г. так: *Ахъ! можетъ ли покой и одръ богатый дать, // Когда его дѣлишь съ невѣрною женою!* Междометие и эпитет попали в 60-й стих из французского подражания (*Eh! d'un lit somptueux <...>, 80*); оборот *можетъ дать покой* воспроизводит латинскую конструкцию (*ducere possit sororem, 65—66*). Второе полустишие 61-го стиха было заимствовано у Лагарпа (*la maîtresse infidelle, 86*; никаких соответствий с латинским текстом в этой строке не было, и во второй редакции Дмитриев заменил ее эффектной строкой собственного изобретения: *<...> Тому, кто одинокъ, а съ пламенной душою?*).

В одном месте переводчик намеренно отказался от буквализма:

Nunc leuis est tractanda Venus: dum frangere postes
Non pudet, & rixas inseruisse iuuat

[= *Теперь же за легкую (= быструю) следует приняться Венеру: пока <= в таком возрасте> выламывать двери // Не стыдно, и <даже> ссоры затевать приятно, 87—88 = Tib. 1.1.73—74*]. *Выломанная дверь* — это этнографически яркий компонент одной из устойчивых тем эротической элегии, *любовной ссоры* [*rixae amantium* (Smith 1913, 205—206 и др.)]. Лагарп не стал эпатировать публику древнеримской экзотикой, тогда как в русском тексте переведено всё:

И посвати любви сей быстрый жизни часть,
Въ который и вражда утѣхою для насъ,
И выломанна дверь есть подвигомъ геройства! (83—85)

В 1803 г. Дмитриев почему-то переписал эти строки:

<...> Въ который жаркій споръ утѣхою для насъ<,>
И смѣлый, дерзкой шагъ есть подвигомъ геройства.

Приобретя в благопристойности, фрагмент утратил не только исходный, но и вообще какой-либо смысл: содержание 85-го стиха свелось к тавтологическому «смелость — это геройство».

Заключительная часть элегии Дмитриева соотносится с латинским подлинником напрямую: в подражании Лагарпа стихи 89—90 (= Tib. 1.1.75—76) и первое полустишие стиха 91 (= Tib. 1.1.77) переведены не были (видимо, по тем же причинам, по которым был опущен предшествующий дистих). Финальные амплификации русского текста (ср. стихи 89—90, 92, 94) можно рассматривать как независимые от традиции переводческие решения. Из этих добавлений наиболее интерес-

но последнее. Элегия Тибулла оканчивается словами: *Dites despiciam, despiciatque fatem* = *Богатых буду презирать, презирать буду и голод* (92 = Tib. 1.1.78), — чему у Дмитриева соответствует предпоследний, 93-й, стих:

Богатства не хочу, а нужное имѣю <...>

Поэту «пришлось» завершить финальное двустипие:

И что всего милѣй: я Деліей владѣю.

Вопреки мнению И. Э. Сермана (Serman 1974, 56), этот поворот темы принадлежит Дмитриеву¹⁶.

Мы видели, насколько существенным оказалось воздействие лагарповского подражания на первый русский перевод Тибулла. Но между французской и русской версией есть и существенное различие. Элегия Лагарпа написана вольным стихом свободной рифмовки, состоящим из 8- и 12-сложников; Дмитриев прибег к попарно зарифмованным александринам. Решение французского переводчика можно понять по аналогии с объяснением, которое он дал, оправдывая полиметрическую композицию в переводе Ног. Carm. 1.34—35 (1772): «J'ai risqué, en la <cette ode. — И. П.> traduisant, de changer plusieurs fois de rythme, pour rendre mieux la variété des tons <...>» = «Я отважился, переводя <эту оду>, менять многократно ритм, чтобы лучше передать разнообразие интонации» [«Опыт о лирической поэзии» (La Harpe 1777, 340); ср. «Лицей», ч. I, кн. I, гл. VII, раздел II (1799, 110)]. В 1772—1777 гг. появились лагарповские переводы из древних, написанные произвольно чередующимися окто- и додекасиллабами: Ног. Carm. 1.5 («К Пирре»), Tib. 1.1 и Ног. Carm. 1.30 (см. Todd 1979, 178—179). Аналогичным размером переводил с латинского и Дмитриев: в его подражании Ног. Carm. 1.3 (1794; Дмитриев 1805, ч. III: 87—89), написанном приблизительно тогда же, что и подражание Тибуллу, использован вольный ямб с формулой 6—4. «Экспериментируя с <...> астрофическим вольным стихом» (Brown 1980, 511), русский переводчик не мог не помнить о французских образцах этой формы и о прецедентах ее жанрового применения¹⁷.

В литературной системе Лагарпа подражания Горацию и Тибуллу принципиально ничем не отличались и потому могли быть написаны одним и тем же стихом; с точки зрения Дмитриева элегия из Тибулла имела мало общего с горацианской одой. В качестве размера «латинской» элегии Дмитриев выбрал шестистопный ямб: или как наиболее нейтральный, или как приличествующий «подражанию древним» (ср.

Гаспаров 1984, 59, 111, 158; Шапир 1994, 71, 79 примеч. 55, 56). В дальнейшем Тибулл переводился александрийскими двустопными еще не раз: ср. опыты Батюшкова [1809; 1810; 1815 = Tib. 3.3, 1.10(11), 1.3], Милонова (1812 = Tib. 3.3), Мерзлякова (1826, 273—277 = Tib. 1.3) и Рылеева (1820 = Tib. 3.3). В это время Тибулл в России был наиболее популярным элегиком эпохи Августа, а 6-стопная элегия из Тибулла — синонимом античной элегии *par excellence*. Так, в «Элегиях» из собрания Батюшкова (1817) есть только три 6-стопных стихотворения смежной рифмовки, и все они — подражания Тибуллу¹⁸. Из элегий Баратынского, вошедших в сборник 1827 г., лишь «сельская элегия» «Родина» (1820—1821), ориентированная на архитектуру и тематику Tib. 1.1 / 1.10(11), написана попарно зарифмованными 6-стопными строками (ср. Пильщиков 1994а, 39). Среди элегий Рылеева, опубликованных при жизни автора, этим размером написана всего одна — «К Делии: Подражание Тибуллу» (1820); ее текстуальное сходство с переводами-предшественниками (Маслов 1912, 139—140) заставляет усомниться в том, что Рылеев был знаком с латинским подлинником. На этом потенци «дмитриевской тибуллианы», судя по всему, были исчерпаны. Во II том «Подражаний и переводов» Мерзляков наряду с традиционным (и более ранним?) 6-стопным подражанием Tib. 1.3 («К Делии») включил также свой перевод Tib. 2.1 [«Освящение полей» (Мерзляков 1826, 273—283)], в котором чередование нерифмованных 6- и 5-стопных дактилей служит условным эквивалентом элегического дистиха (Шапир 1994, 71). Одновременно был разомкнут узкий тематический круг русских подражаний Тибуллу, прежде ограничивавшийся I, III и X (XI) элегиями I книги и чрезвычайно близкой к ним III элегией III книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В уточнение комментария Г. П. Макогоненко (1967, 432—433) укажем, что примечание к первой публикации («<...> переводъ Греческихъ и Римскихъ стихотвореній есть благоденіе для литтературы новѣйшихъ народовъ <...>») было не авторским, а редакторским (см. Дмитриев 1795, 8 примеч.*; подпись: П. [= В. С. Подшивалов]).

² О «значительных стилистических изменениях», произведенных в 1803г., писал А. Я. Кучеров (1953, 495): в целом поправки затронули около трети объема элегии. Тем не менее Г. П. Макогоненко в Полном собрании стихотворений Дмитриева не стал рассматривать новую версию как «другую редакцию» текста; в «наиболее значительные варианты» попали только исключенные стихи (Макогоненко 1967, 408, ср. 419). В последнем издании (Песков, Сурат 1986, 510, ср. 498) наличие разночтений

и вовсе обойдено молчанием, а смена заглавий не учтена (вопреки обещанию редакторов). Первопечатный текст дмитриевского перевода ни разу не переиздавался.

³ Орфографические разночтения, видимо, не отражают авторской воли. Во 2-м стихе: *не досыпаетъ* (1795, 1814, 1818) / *недосыпаетъ* (1803, 1810); в 4-м стихе: *унизил-сябъ* (1795, 1810—1818) / *унизился бъ* (1803, 1823); в 5-м: *не знатенъ* (1795—1810) / *незнатенъ* (1814—1823); в 7-м: *втроемъ* (1795) / *въ троемъ* (1803—1823); в 10-м: *Природъ* (1795, 1810—1818) / *природъ* (1803, 1823); в 30-м: *отъ небесъ* (1803, 1823) / *отъ Небесъ* (1810—1818); в 37-м: *съ Музами* (1795, 1810—1823) / *съ музами* (1803); в 41-м: *помалу* (1795) / *по малу* (1803—1823); в 53-м: *во вѣкъ* (1795, 1803, 1823) / *вовѣкъ* (1810—1818); в 73-м: *Уже ль* (1795, 1823) / *Ужель* (1803—1818); в 74-м: *стонешь* (1795, 1810—1823) / *стонишь* (1803); в 78-м: *почтожь* (1795, 1803) / *почтожь* (1810—1818) / *почто жъ* (1823); в 85-м: *дерзкой* (1803) / *дерзкій* (1810—1823); в 92-м: *щастливъ* (1795, 1814, 1818) / *счастливъ* (1803, 1810, 1823). Пунктуация также колеблется, однако дистрибуция разночтений позволяет говорить о пунктуационных различиях между двумя редакциями: в целом ряде случаев все издания 1803—1823 гг., совпадая между собой, расходятся с текстом 1795 г. (ср. стихи 4, 5, 9—10, 14, 22, 27—28, 36, 37, 39, 44, 51, 53, 58, 65, 71, 75, 77, 86, 91, 94). Здесь и далее нумерация стихов дается в соответствии с текстом второй редакции; четыре выпущенных стиха из первой редакции обозначаются номерами 76а—76г.

⁴ Современную эпоху в текстологии Тибуллианского Корпуса можно условно отсчитывать от «*Albii Tibulli carmina*», изданных Л. Диссенем (Göttingen 1835). Образцовым на сегодняшний день считается собрание «*Albii Tibulli aliorumque carminum libri tres*», подготовленное Ф. В. Ленцем [Leiden 1959; 1964; 1971 (исправленное издание под редакцией Г. К. Галинского)].

⁵ Это обстоятельство осталось неизвестным автору литературной биографии Лагарпа (Todd 1972).

⁶ Текст, вошедший в состав «Лицея», несколько отличается от первоначального. В 25-м стихе вместо двукратного *ai dieu* дважды читается *aux dieux* [как и другие переводчики, Лагарп испытывал затруднения с интерпретацией тибулловского *agricolæ <...> deo* (20 = 1.1.14); этому выражению он дал сразу несколько эквивалентов: *<...> dieu du laboureur*, // *Divinités des champs <...>* → *<...> dieux du laboureur*, // *Divinités des champs <...>* (25—26) (ср. Пильщиков 1994а, 42 примеч. 47)]. 107-й стих (*Ni de meurtrir ton front de ton bras irrité*), почти дословно переведенный Дмитриевым (*Или язвить себя отчаянной рукой*, 76в), изменен: *De blesser de ton front l'ivoire ensanglanté*.

⁷ Tib. 1.1 здесь и далее цитируется по изданию Скалигера, перевод Лагарпа— по «Сочинениям» 1777 г.

⁸ Это «излюбленный мотив античной поэзии» (Smith 1913, 185; см. там же важнейшие параллели). У Лагарпа 3-й и 6-й стихи связываются клишированной рифмой *sommeil* ('сон') : *réveil* ('пробуждение'), подчиняющей себе дальнейшие лексические трансформации: *<...> perde son sommeil <...> La trompette sinistre & le cri de la guerre // Retentissent à son réveil*. Ср. лагарповские переводы из Luc. Phars. 1.237 слл. (*À ce bruit menaçant qui l'arrache au sommeil*, // *Le citoyen, frappé d'un sinistre réveil*, //

Saisit le fer oisif <...>) и из Tacco, Gerusalemme liberata VI, iii [*<...> d'un repas tranquille ils passent au sommeil, // Sans qu'au moins la trompette alarme leur réveil* (La Harpe 1821, 597, 483)].

⁹ Начиная с 5-го стиха Дмитриев последовательно заменяет настоящим временем формы оптативного условного наклонения, которое доминирует в Tib. 1.1 (ср. Пильщиков 1994а, 34).

¹⁰ Ср. *самъ* в аналогичных контекстах у Батюшкова («XI Тибуллова Элегия») и Баратынского («Сельская элегия»; Пильщиков 1994а, 32—33, 41 примеч. 37).

¹¹ Ср. аналогичный этимологический пуант [*rota* 'плодовые деревья'] (Tib. 1.1.8) → *Rotone*] в другом французском переводе Tib. 1.1, принадлежащем П. Д. Экушару-Лебрену (Пильщиков 1994а, 42 примеч. 47). Отметим попутно, что перевод Лебрена создавался без учета скалигеровской редакции.

¹² Фразеологически стихи 38—39 связаны с обоими источниками. *Подъ тенію древесной* (38) — это латинизм (*sub umbra // Arboris*, 49—50 = Tib. 1.1.27—28), отсутствующий у Лагарпа; *прохлада* (39) — мотив, которого нет в оригинале и который взят из французского текста (*le frais & l'ombre*, 62).

¹³ Этот отрывок (40—45) максимально ориентирован на текст-посредник (53—59). Однако у Дмитриева Тибулл, первый раз упоминая Делию, еще не называет ее по имени (*въ объятіяхъ драгой*, 43) — в соответствии с подлинником (*dominat <...> continuisse sinu*, 42 = Tib. 1.1.46) и вопреки *près de Délie* в подражании Лагарпа (56). Имя метрессы появляется в русском переводе (53) после обращения к Мессале, но всё же чуть раньше, чем у Тибулла (ср. 57 = Tib. 1.1.57), — на сей раз в соответствии с французским подражанием (65).

¹⁴ Ср. также *Que Messala <...>* (67) и *Пускай Мессалъ <...>* (46): Лагарп и Дмитриев усиливают параллели между этим фрагментом и начальными стихами элегии [параллелизм противопоставлений *alius — ego* (Пильщиков 1994а, 31)].

¹⁵ Одна дескриптивная деталь (*на <...> конѣ*, 48), возможно, заимствована из параллельного места в латинском тексте (*Insideat <...> equo*, 72 = Tib. 1.2.72).

¹⁶ Новшество не осталось незамеченным; в подражании «Тибулловой элегии III из III книги» Батюшков использовал найденную предшественником формулу: *<...> И Деліей владѣть Тибуллу не дано <...>* (Батюшков 1809, 199). В оригинале: *<...> si fata negant reditum <Neærae> <...>* (Tib. 3.3.35) = «<...> когда уже судьбы <...> претятъ мнѣ видѣть ее <Неэру. — И. П.>» (Львов 1801, 211). На основе интертекстуальных цепочек такого рода начинала выстраиваться «автономная» русская тибуллиана (ср. Пильщиков 1994а, 32—33, 35, 37 и др.). [Реминисценции из Дмитриева обойдены вниманием у М. Кажокникс (Każoknieks 1968, 94—103; ср. Serpan 1974, 57).]

¹⁷ С точки зрения объема строфоидов и разнообразия рифменных последовательностей строение астрорифического вольного стиха у Дмитриева гораздо проще, чем у Лагарпа [ср. наблюдения над строфоидами 4-стопных стихотворений Дмитриева 1788—1795 гг. и контрастные примеры из Вольтера (Гаспаров 1976, 19, 22—23, 39)]. Тем не менее трудно согласиться с тем, что дмитриевские подражания Горацию написаны обычным классицистским стихом [«in klassizistischen Jamben verfaßten <sind>» (Busch 1964, 148)]. Ср. подражание Ног. Carm. 3.1 (1794; Дмитриев 1805, ч. III: 84—86), разностопные строфы которого (6—4—4—6) удивляют неожиданностью рифмовки: в

первой строфе она опоясывающая, в седьмой— смежная, а в остальных случаях— перекрестная (см. также Brown 1980, 511).

¹⁸ В стихотворении «Дружество» 6-стопные строки рифмуются произвольно (*AbAb CdCdEEEd*). Произведение это представляет собой «элегизированную» версию идиллии Биона: в первом разделе «Опытов в стихах» александрийский стих употребляется дифференцированно и маркирует «подражания древним». Таким образом, выводы С. А. Матяш (1979, 104) о полной «жанровой свободе» батюшковского александрийца следует признать несостоятельными.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [Батюшков, К.]: 1809, 'Тибуллова Елегия. Шя из Шй книги', *Вестник Европы*, ч. XLVIII, № XXIII, 198—199 (подпись: К.).
- Батюшков, К.: 1810, 'XI Тибуллова Элегия из I книги: (Вольный перевод)', *Вестник Европы*, ч. L, № 8, 277—280.
- Батюшков, [К.]: 1815, 'Тибуллова Элегия (Книга 1. Элегия 3.)', *Пантеон русской поэзии*, ч. IV, кн. 8, 204—211.
- Беспрозванный, В. Г.: 1990, 'Журнал Подшивалова и споры о языке в конце 18-го века', *Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures*, Pittsburgh, Pa, vol. 3, 36—47.
- Гаспаров, М. Л.: 1976, 'Строфика нестрофического ямба в русской поэзии XIX в.', *Проблемы стиховедения*, Ереван, 9—40.
- Гаспаров, М. Л.: 1984, *Очерк истории русского стиха: Метрика; Ритмика; Рифма; Строфика*, Москва.
- [Дмитриев, И.]: 1795, 'Подражание Первой Тибулловой элегии', *Приятное и полезное препровождение времени*, ч. VIII, 8—12 (подпись: -ъ).
- Д[митриев], И.: 1803—1805, *Сочинения и переводы*, Москва, ч. II—III.
- Дмитриев, [И]: 1810, 'Тибуллова Элегия', [И]. Дмитриев, *Сочинения*, Издание 3-е, Москва, ч. II, 5—8.
- Дмитриев, И. И.: 1814, 'Тибуллова Элегия', И. И. Дмитриев, *Сочинения*, Издание 4-е, Москва, ч. II, 1—5.
- Дмитриев, И. И.: 1818, 'Тибуллова Элегия', И. И. Дмитриев, *Сочинения*, Издание 5-е, исправленное и умноженное, Москва, ч. II, 1—5.
- Дмитриев, И. И.: 1823, 'Элегия: Подражание Тибулу', И. И. Дмитриев, *Стихотворения*, Издание 6-е, исправленное и уменьшенное, С.-Петербург, ч. I, 126—130.
- Кучеров, А. Я.: 1953, Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, *Избранные стихотворения*, Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. Я. Кучерова, Ленинград.
- Львов, П.: 1801, 'Элегия 2 из Тибулла, кн. 3; Элегия 3 к Неэре. Из Тибулла. Кн. 3; Элегия 4 из Тибулла. Кн. 3; Элегия 2. Хвала Сульпиции. Из Тибулла, кн. 4; Элегия 13 к Неэре. Из Тибулла. Кн. 4', Пер[евел] Па[вел] Ль[вов]ъ, *Иппокрена, или Утехи любословия*, ч. IX, 156—158, 209—219, 260—262, 286—288.
- Макогоненко, Г. П.: 1967, И. И. Дмитриев, *Полное собрание стихотворений*, Вступительная статья, подготовка текста и примечания Г. П. Макогоненко, Ленинград.

- Маслов, В. И.: 1912, *Литературная деятельность К. Ф. Рылеева*, Киев.
- Матяш, С. А.: 1979, 'Метрика и строфика К. Н. Батюшкова', *Русское стихосложение XIX в.: Материалы по метрике и строфике русских поэтов*, Москва, 97—114.
- Мерзляков, А.: 1826, *Подражания и переводы из Греческих и Латинских стихотворцев*, Москва, ч. II.
- Милонов, М.: 1812, 'К Неере: (Подражание третьей Тибулловой Элегии)', *Санкт-петербургский вестник*, ч. I, № 2, 164—165.
- Песков, А. М., И. З. Сурат: 1986, И. И. Дмитриев, *Сочинения*, Составление и комментарии А. М. Пескова и И. З. Сурат, Вступительная статья А. М. Пескова, Москва.
- Пильщиков, И. А.: 1994а, '«Я возвращаюсь к вам, поля моих отцов...»: Баратынский и Тибулл', *Известия Российской Академии наук, Серия литературы и языка*, т. 53, № 2, 29—47.
- Пильщиков, И. А.: 1994б, 'Литературные цитаты и аллюзии в письмах Батюшкова: (Комментарий к академическому комментарию. 1—2)', *Philologica*, т. 1, № 1/2, 205—239.
- Рылеев, К.: 1820, 'К Делии: Подражание Тибуллу', *Благонамеренный*, 1820, ч. XI, № XIII, 50—52.
- Шапир, М. И.: 1994, 'Гексаметр и пентаметр в поэзии Катенина: (О формально-семантической деривации стихотворных размеров)', *Philologica*, т. 1, № 1/2, 43—107.
- Ball, R. G.: 1983, *Tibullus the Elegist: A Critical Survey*, Göttingen.
- Bernaays, J.: 1855, *Joseph Justus Scaliger*, Berlin.
- Brown, E. W.: 1980, *A History of 18th Century Russian Literature*, Ann Arbor.
- Busch, W.: 1964, *Horaz in Rußland*, München.
- Grafton, A.: 1983, *Joseph Scaliger: A Study in the History of Classical Scholarship*, Oxford.
- Kažoknieks, M.: 1968, *Studien zur Rezeption der Antike bei Russischen Dichtern zu Beginn des XIX. Jahrhunderts*, München.
- Kenney, E. J.: 1974, *The Classical Text: Aspects of Editing in the Age of the Printed Book*, Berkeley etc.
- La Harpe, J. F.: 1773а, 'Imitation de la première Élégie de Tibulle', *Mercur de France*, Octobre, vol. II, 51—55.
- La Harpe, [J. F.] de: 1773b, 'Imitation de la première Élégie de Tibulle', *Esprit des journaux français et étrangers*, т. IV, part. II, 30 octobre, 143—146.
- La H[arpe], [J. F.] de: 1777, *Œuvres*, Yverdon, т. I.
- La Harpe, [J. F.] de: 1778, *Œuvres*, Paris, т. II.
- Laharpe [= La Harpe], J. F.: An VII [= 1799], *Lyceé, ou Cours de littérature ancienne et moderne*, Paris, т. II.
- La Harpe, [J. F.]: 1821, *Œuvres*, Paris, т. VIII.
- Nisard, C.: [1852], *Le Triumvirat littéraire au XVIe siècle: Juste Lipse, Joseph Scaliger et Isaac Casaubon*, Paris.
- Putnam, M. C. J.: 1973, *Tibullus: A Commentary*, Norman, Oklahoma.
- Scaliger, I.: 1577а, *Catulli, Tibulli, Properti noua editio*, Iosephus Scaliger Iul. Cæsaris f. recensuit, Lutetiae.

- Scaliger, I.: 1577b, 'Castigationes in librum primum Albi Tibulli', *Iosephi Scaligeri Iul. Cæs. fili castigationes in Catullum, Tibullum, Propertium*, Lutetiae, 110—137.
- Serman, I. Z.: 1974, *Konstantin Batyushkov*, New York.
- Smith, K. F.: 1913, *The Elegies of Albius Tibullus*, Edited ... by K. F. Smith, New York.
- Todd, C.: 1972, *Voltaire's Disciple: Jean-François de La Harpe*, London.
- Todd, C.: 1979, *Bibliographie des œuvres de Jean-François de La Harpe*, Oxford.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Приложение» представляет собой таблицу соотношений между тремя версиями Tib. 1.1 (Дмитриев — Лагарп — Скалигер). Строки латинского текста пронумерованы дважды: в соответствии с последовательностью стихов в скалигеровской редакции и в аутентичных элегиях Альбия Тибулла. Порядок расположения строк соответствует последовательности, которую стихи Тибулла приняли в цитируемых переводах. «Русская» часть таблицы воспроизводит текст первой редакции дмитриевского «Подражания»; в сносках даны варианты второй редакции. Орфографические и пунктуационные различия между изданиями 1803—1823 гг. не оговариваются (см. примеч. 3); предпочтение отдается более частой модификации. В примечаниях к латинскому тексту приводятся разночтения, встречающиеся в републикациях скалигеровской версии Tib. 1.1.

В таблице использована следующая система курсивных выделений. В латинском тексте отмечены сегменты, соответствия которым есть в переводе Дмитриева, но отсутствуют в переводе Лагарпа. Во французском тексте выделены сегменты, репродуцированные у Дмитриева и при этом лишённые эквивалентов в латинском оригинале. В русском переводе маркированы сегменты, не имеющие эквивалентов ни в одном из двух источников.